

Андрей Гросс

Андрей Гросс

Игрушка для лесорубов

«Литнет»

2025

Гросс А.

Игрушка для лесорубов / А. Гросс — «Литнет», 2025

♥#Строго18+ ОЧЕНЬ ОТКРОВЕННО! На подпольном аукционе меня продали тому, кто предложит самую высокую цену. Мои новые хозяева трое суровых мужчин, чьи внимательные взгляды и мощные тела словно созданы для того, чтобы вырывать деревья с корнем. Они — лесорубы-затворники, которые везут меня в свою уединённую горную хижину, чтобы я могла удовлетворить все их потребности. ♥#Множество откровенных сцен. ♥#Очень! Ну очень горечно! От невесты до любви Отдаться ли мне этим странным отношениям, которые могут сломать меня, или должна доверить свой секрет и свое сердце трём грубоватым лесорубам? ♥#Строго 18+ Оригинальный интересный сюжет!

© Гросс А., 2025

© Литнет, 2025

Содержание

Глава 2	5
Глава 3	12
Глава 4	23
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Глава 2

Джон выходит из комнаты. Филл снимает ремень с моего запястья и накрывает меня одеялом. Арон стоит у стены, его лица не видно, но я знаю, что он там. Мы молчим, и я не знаю, что сказать.

— Спокойной ночи, — говорит Филл. Он ждёт, что я отвечу, но я молчу. Он выходит из комнаты вслед за Ароном и закрывает дверь.

Я смотрю на стену, она выкрашена в грязно-белый цвет. В углах прячутся тени. Я натягиваю одеяло на голову и сворачиваюсь калачиком. Я чувствую, что мужчины за пределами этой комнаты.

Слёзы жгут мне горло, но я не буду их проливать.

У меня нет такой роскоши, как возможность слёз. Никому нет дела до того, счастлива я или чем-то расстроена. Никто не утешит меня, тогда какой смысл плакать? Я пытаюсь уснуть, но сон ускользает от меня. В моей крови слишком много адреналина.

В конце концов, я откидываю одеяло и сажусь. Запахнув рубашку, я ищу на полу своё нижнее бельё и, соскользнув с матраса, поднимаю влажную ткань. Из меня вытекает ещё немного спермы, и я сжимаю ноги.

Я вытираюсь трусиками, насколько это возможно, а затем ищу сумку, в которой лежат вещи, купленные для меня Ароном. Она послужит временной корзиной для белья. Я могу постирать их завтра вручную, если другой возможности постираться здесь не будет. В этой хижине, кажется, нет современной бытовой техники, но, возможно, я её просто не заметила.

Раньше я не обращала внимания на комнату, но теперь я в замешательстве смотрю на вазу на комод и мягкие подушки, украшающие кровать. Ковёр на деревянном полу тянется вдоль одной стороны кровати, как будто они беспокоились, что мои ноги замёрзнут, когда я проснусь утром. Всё выглядит так, будто три грубых лесоруба хотели, чтобы я чувствовала себя как дома. Это мог быть только Филл. Из всех них он единственный, кто прикасался ко мне с какой-то милой заботой.

Я провожу руками по деревянному стулу в углу, ощущая гладкую и тёплую поверхность. Он сделан вручную, в этом я уверена. Прекрасное мастерство, которым, возможно, обладает кто-то из этих мужчин.

Вещи, которые купил Арон, я разложила на комод и рассматриваю каждую вещь, прежде чем её сложить и убрать в верхний ящик. Кажется, всё подойдёт, и это меня поражает. Откуда мужчина с такими большими руками, что он мог бы вырывать деревья с корнем, и телом, как у медведя, знает, как выбирать вещи для незнакомой женщины? Даже бюстгалтеры и трусики, которые он выбрал, подходят по размеру. Он купил мне средства женской гигиены, хотя, должно быть, ему было неловко в магазине... От мысли о том, как он стоял в очереди за ними, я качаю головой.

Я подхожу к закрытой двери, прижимаю ухо к гладкому дереву и напряжённо прислушиваюсь. В доме тихо, скорее всего, каждый из мужчин просто вернулся в свою комнату. Я слушаю так долго, что у меня начинает болеть ухо и напрягается шея. Когда я убеждаюсь, что всё в порядке, я осторожно поворачиваю ручку, готовясь к любому шуму, который может их разбудить. Дверь открывается легко, как будто её недавно смазали.

Из гостиной с открытой планировкой струится тусклый свет, и я медленно иду вперёд, глядя в тени и пытаюсь понять, безопасно ли это для меня. На кухне я обнаруживаю перевернутый стакан у раковины и, не обращая внимания на холод, наполняю его водой из-под крана. Я залпом выпиваю полный стакан, а затем ещё один, чувствуя, что жажда не утихает, а в желудке пусто.

Справа стоит высокий холодильник, и я рассматриваю его, размышляя, стоит ли искать еду, в которой так отчаянно нуждаюсь. Кусочек хлеба или сыра помогут мне продержаться до утра. Я уже кладу руку на ручку, собираясь открыть дверь, как вдруг тишину позади меня разрывает тихий шёпот.

"Что ты ищешь? Могу я тебе чемто помочь?" — спрашивает Джон, стоя совсем близко. На нём свободные шорты, которые низко сидят на бёдрах, обнажая невероятно рельефные мышцы груди и пресса. Его волосы, которые раньше были небрежно собраны, теперь длинные и распущенные, ниспадают волнами, которые должны выглядеть красиво, но не могут, когда он такой чертовски мужественный. Его губы сжаты в тонкую линию, скрытую густой светлой бородой, а руки висят по бокам, готовые к неизвестной схватке. Ему не составило бы труда разорвать обычного человека на части. У меня не было бы ни единого шанса, если бы он обрушил на меня свою ярость.

"Я сегодня ничего не ела," — отвечаю я. Он выдыхает через раздутые ноздри и делает шаг вперёд. Я инстинктивно вздрагиваю, не понаслышке зная, что такое грубые руки и жестокие слова. То, как Джон резко останавливается, увидев мою реакцию, заставляет меня задуматься. Отступив назад, он смотрит сначала на потолок, а потом на меня.

"Возьми, поешь всё, что хочешь, а потом поспи," — говорит он, и я смотрю на его удаляющуюся фигуру, на его размашистую походку, на силу, заключённую в каждой выступающей мышце на его широкой спине. Он похож на Тора или на какого-то неизвестного героя-викинга, сурового и жёсткого, но с непостижимыми границами, которые он не переступит. Он увидел мой страх, и это изменило его.

Я быстро нахожу хлеб, масло и небольшой кусочек сыра и делаю себе сэндвич, который забираю в свою комнату, чтобы съесть его там. Найдя свои джинсы, я разворачиваю кусок ткани в цветочек с крошечной фотографией внутри. Это единственное, что я взяла с собой. Я подношу ткань к носу и вдыхаю. Она больше не пахнет Элли, но я представляю, что пахнет, глядя на фотографию, а затем закрываю глаза и представляю её образ. Моё сердце расколото на две части: одна бьётся, чтобы я жила, а другая скована всей той любовью, которую я когда-то чувствовала. Есть только один способ снова сделать мое сердце целым. Я должна быть терпеливой и храброй. Такой же храброй, какой меня считает Филл. Это единственный способ пройти через всё это.

Я снова заворачиваю фотографию и убираю её на дальнюю полку комода, молясь о том, чтобы никто её не нашел. Только тогда я уютно устраиваюсь под тёплым одеялом и я наконец засыпаю.

ФИЛЛ

Обычно я просыпаюсь под звуки утреннего леса. Но сегодня утром я просыпаюсь раньше обычного и вдыхаю оставшийся с ночи запах дыма от печки.

Лёгкий аромат кофе, который перебивает другие запахи, говорит о том, что Арон уже проснулся и начинает свой новый день, как обычно. Сегодня утром моя первая мысль — это о Аманде. Я быстро сажусь, желая узнать, как она себя чувствует. Хорошо ли ей спалось? Удобно ли ей в комнате, которую мы для неё приготовили? Или она боится и сомневается в том, как будет жить с нами дальше? Я постарался сделать её комнату как можно более уютной, но она, должно быть, нервничает из-за того, что оказалась в незнакомом месте с тремя незнакомыми мужчинами.

Я быстро одеваюсь и выхожу в коридор, прислушиваясь к знакомому скрипу деревянных половиц, который может легко разбудить чуткого человека. Как я и предполагала, Арон варит себе кофе — чёрный, густой и крепкий, настолько крепкий что в нем наверное будет стоять чайная ложка если её туда опустить. К моему удивлению, рядом с ним стоит наша новая миниатюрная гостья, словно подчёркивая его массивные размеры рядом с собой.. Она стоит

у открытой дверцы холодильника, разглядывая его содержимое. Аманда в ночной рубашке, которую, как я полагаю, выбрал для неё Арон, выглядит уютно и домашнему, но как то уж очень беззащитно она в ней смотрится.

Арон кивает мне в знак приветствия, и я отвечаю ему тем же. Мы садимся за стол, пока Аманда занимается своими делами. Мы тихо переговариваемся. «Давно она проснулась?» — спрашиваю я, и Арон пожимает плечами, морща лоб. Он не знает, значит она встала раньше всех.

Аманда подходит и кладёт перед нами ломтики хлеба, намазанные толстым слоем масла и джема. Арон любит приготовленный завтрак, а я больше предпочитаю овсяные хлопья, но никто из нас не возражает.

— Спасибо, Аманда. Как ты спала? — спрашиваю я глядя на девушку..

Арон чуть не давится хлебом, закашливаясь от его сухости. Сделав большой глоток кофе, он с трудом сглатывает и вставляет: — Ради всего святого, чувак. Она же не гостья в этом доме, она вроде как наемный работник!

Аманда моргает и опускает подбородок к груди, почти расстроенная. Когда она сжимает руки в кулаки и делает глубокий вдох, прежде чем поднять подбородок, это напоминает мне о прошлой ночи, о напряжении и унынии, за которыми последовала решимость быть храброй. У неё определенно есть выдержка.

— Ты ела, Аманда? — спрашиваю я, не позволяя Арону запугивать меня и заставлять быть не совсем порядочным человеком. Она должна поесть, ради всего святого. Может быть, она и не наша гостья, но мы за неё все таки отвечаем. И она только что провела с нами свою первую ночь.

Она кивает, а Арон качает головой, как будто я безнадежно больной на голову, и спрашиваю какует о чувшь. Видимо чтото в этой ситуации не соответствует его ожиданиям. Слишком много доброты выходит за рамки его суровых ограничений и контроля, и в условиях её контракта ему кажется что чисто человеческим отношениям нет места. Это то, о чём мы договорились, и единственный способ, которым я мог убедить Джона и Арона пойти на это.

Мы быстро едим, и я залпом выпиваю кофе, который Аманда наливает мне с молоком и сахаром, как я люблю. Когда мы заканчиваем, Арон отодвигает свой стул, громко скрежеща им по деревянному полу. «Джон уже собирает вещи и грузит их. Пойдём!» — говорит он. Он прав. Пора выходить и начинать работать.

— Можно я выйду с тобой? — голос Аманды звучит почти отчаянно. Она боится остаться здесь в этом доме одна? И я бы не стал её винить, снепривычки любой будет нервничать. Дом стоит в уединении, а лес кажется живым и странным, если к нему не привыкнешь.

«Быстро одевайся, и мы встретимся с тобой у входа», — говорю я. Я жду, что Арон возразит, но он молчит. Возможно, он заставит её таскать брёвна по двору, если она действительно здесь только для того, чтобы работать и удовлетворять наши потребности.

Через пять минут Аманда вернулась в джинсах, ботинках и синей клетчатой рубашке, накинутой поверх белой майки. Она собрала волосы в высокий хвост, который покачивался, когда она целеустремленно шла к нам. Джон слегка приоткрыл рот, но затем откашлялся и направился к двери.

Мы молча шли по тропинке. Я смотрел, как Аманда смотрела по сторонам широкооткрытыми глазами рассматривая этот величественный почти первозданный лес. Арон шёл впереди нас, его большие руки безвольно свисали по бокам. Он был моим приятелем, скорее, братом, и я знал, что он ничего не имел в виду, но для Аманды он точно показался холодным и суровым.

Я пристроился рядом с ней и наслаждался видом леса, представляя какое впечатление величавое зрелище производит на Аманду. Она была крошечной среди могучих кедров, которые нас окружали. Она глубоко вдыхала и медленно выдыхала, наслаждаясь, как и я, ароматами и прохладой тенистого лесного воздуха.

Мне хотелось взять её за руку, но я не делал этого, потому что она здесь не для этого. Она подписалась на это ради денег, а не ради фальшивого романа с изголодавшимся по ласке лесорубом. Мне нужно было прояснить это в своей голове. Недай бог влюбится в эту милашку! Она здесь, чтобы удовлетворить наши потребности.

Почему же мне так сильно хотелось обнять её и защитить? Словно почувствовав мои мысли, она повернулась и застенчиво улыбнулась мне. Аманда спохватилась и быстро отвела от меня взгляд. Её красота была почти хрупкой, с изящными чертами эльфийского лица и бледной кожей. Её нос вздёрнут кверху, а губы, похожие на бутон розы, были такими же розовыми, как крошечный полевой цветок, и их полнота придавала ей чувственность.

Должно быть, Аманда почувствовала, что я наблюдаю за ней, потому что она снова повернулась ко мне и застенчиво улыбнулась. Значит между нами уже зародилась определенная связь. Этот жест пробудил во мне глубокое чувство. Её уязвимость была очевидна, хотя она изо всех сил старалась казаться сильной.

Почему она согласилась на этот контракт? Может быть, она, как и все мы, искала здесь место, где можно сбежать и почувствовать себя в безопасности? Скорее всего, дело было просто в деньгах.

Гул голосов и машин вдалеке постепенно приближался, и вскоре мы вышли на поляну впереди леса. Я заметил Джона с остальной командой. Обычно он первым приходил в хижину и первым оказывался на месте. Я не уверен, что он вообще спал ночью хотя бы половину времени. Его лицо было измождено, и это меня беспокоило. Он заметно напрягся, когда увидел Аманда, и его стальные глаза сузились от неодобрения.

Мужчины обернулись, когда увидели, что мы приближаемся, и я не мог избавиться от ощущения, что на меня смотрит стая голодных собак, когда я поднял руку в знак приветствия.

Аманда застыла на месте, словно выросла в землю. Неужели она тоже ощущает это? Свежий воздух внезапно стал осязаемым, густым, почти удушающим, и Аманда явно здесь чувствует себя не в своей тарелке. Она отступает назад, ожидая, что я встану между ней и группой. Я держу её поближе к себе.

- Ты почему опаздываешь на работу, братан? Или мне можно не спрашивать? Кто эта красотка?" — Ниро снимает каску и встряхивает растрепанными волосами. Его глаза блестят, но он грубый по натуре и, должно быть, кажется Аманде очень пугающим.

— Спокойно, братан! Эта девушка занята. И ты между прочим тоже, так что давай "хищник" возвращайся обратно в свою клетку, — раздаётся смех, когда Марк добавляет свою обычную порцию юмора. Марк и Ниро — братья итальянского происхождения, они совсем разные по характеру..

"Сейчас не время глазеть по сторонам. Нам сегодня нужно много сделать", — говорит Эрик, самый старший член команды и заместитель Джона, хотя наша иерархия и неофициальная. Он уравнивает обстановку, и я не знаю, что бы мы без него делали. Соберите вместе группу мужчин, подпитываемых тестостероном, и не успеете оглянуться, как сформируется иерархия и менталитет волчей стаи. У этого процесса могут быть свои преимущества и недостатки. Нужен умный лидер который может организовать таких людей.

Итан отходит от группы, и через мгновение его высокая, стройная фигура нависает над нами. "Защищаешь свой приз, Филли-бой? Не собираешься делиться добром?" Он бросается вперед и хватается Аманда за руку, задевая ее грудь и притягивая к себе. Его дыхание источает затхлый запах спиртного и табака, и я сомневаюсь, что он принимал душ раньше чем несколько дней назад. Зачем беспокоиться, если тебе нужно ехать тридцать минут до ближайшего бара, чтобы получить очень слабый шанс снять девушку на ночь? Итан совсем неумет обращаться с женщинами, врятли у него получится провести ночь с кем то кроме проститутки. Аманда ахает и вырывается из его агрессивной хватки, падая на колени, когда он отпускает её. Итан

смеётся глубоким, угрожающим смехом, и я, не раздумывая, делаю шаг вперёд и сбиваю его с ног одним ударом кулака.

Я поворачиваюсь и протягиваю другую руку Аманде, которая в ответ тянется ко мне, чтобы я помог ей подняться. Она отворачивается от группы и смотрит на меня, широко раскрыв глаза от паники, и на её глазах выступают слёзы. Джон нарушает молчание.

— Убери её отсюда! — мне не нужно повторять дважды. Я слышу, как Итан кричит и беснуется позади нас, пока мы отступаем. Джон подходит, чтобы разобраться с ним, и кричит что-то о том, чтобы он держал свои чертовы руки при себе.

— Давайте, ребята. Так мы ничего не сделаем, а я сегодня не собираюсь задерживаться на работе, — Эрик снова вмешивается, когда мы с Амандой отступаем подальше.

У него дар смягчать острые углы в общении с Джоном, и обычно это приносит свои плоды. Аманда идет впереди меня, опустив голову и ссутулив плечи в защитной позе. Она кажется одинокой, затерявшейся среди деревьев, которые, кажется, стремятся к небу. Я догоняю ее и кладу руку на плечо, чтобы замедлить шаг.

— Спасибо! — ее голос звучит сдавленно, как будто она пытается сдержать слезы. Во мне просыпается инстинкт защитника, но я боюсь навязчиво приставать к ней, поэтому отступаю.

— Тебе не нужно меня благодарить. — Мы идем еще медленнее. Я хорошо понимаю ее, и она поворачивается ко мне с робкой улыбкой. В ее глазах печаль и страх. На груди и шее у нее красные пятна, но по мере того, как мы идем, она расслабляется.

Мы идем медленным шагом, и я веду ее к знакомой группе деревьев. "Что ты думаешь о нашем лесе?" — спрашиваю я. Она запрокидывает голову, вглядываясь в крону дерева.

- "Здесь так хорошо пахнет, так свежо".

— Да, воздух чистый, не то что в городе. "Как долго вы здесь живете?" — спрашивает она, останавливаясь и опираясь на грубую кору толстого ствола, сгибая ногу и ставя ступню на землю. "

- Уже несколько лет!.

Аманда засовывает руки в карманы и стоит задумчиво пинает опавшие листья носком ботинка. "Это так не похоже на всё то, к чему я привыкла".

- Когда я приехал сюда, я чувствовал то же самое. Тишина была для меня странной. И темнота. Теперь я каждый день благодарен лесу. Я никогда не воспринимаю его как должное, каждый день я восхищаюсь этой природой. Это отличное место, чтобы похоронить свое прошлое и найти новое будущее". -

Я надеюсь, что это успокоит ее, но она качает головой, как будто не совсем согласна или считает, что ее прошлое слишком велико и плохо, чтобы его можно было где-то похоронить.

"Думаешь, ты сможешь похоронить свое прошлое?" - Это хороший вопрос, но я не знаю, как на него ответить. "Может быть это получится, если ты достаточно отвлечешься". Или тебя больше не будут отвлекать". -

Она очертила перед собой небольшой круг, оставив нетронутой грубую коричневую землю.

"Ты храбрая, знаешь ли... раз так поступаешь. Я честно так думаю".

И снова она пожимает плечами и качает головой, показывая мне, что мы не на одной волне. О чем она думает? Что такого плохого в ее прошлом, что она не верит, что сможет убежать от него? Почему она здесь?

— Ты всегда такой позитивный? — спрашивает она, быстро меняя тему. — Тот, кто сохраняет спокойствие? -

Это застаёт меня врасплох. Неужели за то короткое время, что она здесь, стало так очевидно, что я выбрал для себя эту роль? Миротворца что ли? "Остальные из этого считают меня молодым и глупым. Я говорю им, что не обязательно быть стариком, чтобы усваивать жизненные уроки. И не обязательно ожесточаться, когда что-то повидаешь в жизни..

Аманда вздрагивает, и я снимаю с себя куртку и осторожно накидываю ей на плечи, а она прижимает ее к себе. Несколько мгновений мы молчим, но воздух между нами словно наэлектризован. Меня переполняет желание прижать ее к своей груди и успокоить, что бы ни терзало ее изнутри, поцеловать ее так же глубоко, как прошлой ночью, уложить ее и отвлечь нас обоих. Мое тело все еще покалывает от воспоминаний о том, каково это — быть внутри нее. Оргазм, который мы разделили, заставляет меня чувствовать, что мы связаны.

Все таки Джон и Арон были правы. Я глупец. Воображаю то, чего нет на самом деле. Я хочу больше, чем могу получить.

Мы снова отправляемся в путь и вскоре достигаем поляны, к которой я нас вёл. Когда мы останавливаемся, она ахает и прижимает руку ко рту. Мы стоим на краю возвышающегося обрыва, выступающего наружу, и перед нами открывается долина, такая огромная и бескрайняя, что кажется, будто ей нет конца. С различными оттенками зимней зелени, выгоревшего оранжевого цвета и россыпью выносливых ярко окрашенных полевых цветов, цветущих в переходный сезон, которым благоприятствует яркое солнце и просветы в густом лесу, это место настолько красиво, что у меня перехватывает дыхание.

Поблизости шелестят кроны деревьев, а вдалеке слышится жалобный крик птицы, которая парит и кружит в поисках добычи. Знакомый для меня шум мощной реки, протекающей по окружающему нас пейзажу, производит на неё сильное впечатление.

— Это так красиво, — выдыхает Аманда, переводя взгляд на меня, а затем снова на открывающийся вид. Мы садимся на камни неподалёку, чтобы размять ноги. Пока шум падающей воды заполняет тишину между нами, я думаю о том, что она сказала о невозможности похоронить прошлое. «Что заставило тебя подписаться на аукцион?» — спрашиваю я. Она заправляет выбившуюся прядь волос за ухо, глядя вдаль. У моей мамы были длинные красивые волосы, как у Аманды, и она делала то же самое, когда дул сильный ветер.

Я уже давно не сидел с женщиной на улице просто для того, чтобы поговорить. Аманда сглатывает, пытаясь скрыть правду. Я могу задать вопрос, но это не значит, что она ответит. Её стремление к уединению снова пробуждает во мне инстинкт защитника. Что бы это ни было, я уверен, что ей слишком больно об этом говорить. Что бы ни случилось в её жизни до аукциона, я ничего не могу с этим поделать. Всё, что мы можем сейчас сделать, — это постараться сделать этот год как можно лучше.

— Деньги, — говорит она в конце концов. — Я сделала это ради денег.

Я уверен, что это не вся история, но она просто не знает меня и мой внутренний мир, как и мотивов Джона и Арона. Я и не ожидал, что она так быстро откроется. Но я могу поддержать её, если сам буду открыт. Мне нечего скрывать от неё, пусть она об этом знает. Я ей дал знак, что она может мне открыться в любой момент, когда посчитает нужным. Я не замкнутый, как Арон, и не ношу свой гнев по отношению к жизни как пылающий факел на виду у всех, как Джон.

«Здесь я всегда чувствую себя не таким одиноким. Деревья, птицы, чистый горный воздух — это так не похоже на то место, где я вырос».

Я делаю паузу, пытаюсь подобрать слова, чтобы объяснить свою историю. «Моя мама умерла, когда мне было тринадцать. Я сбежал из приюта, куда меня поместили... Мне некуда было идти».

Аманда смотрит на меня с мягким выражением лица, которое побуждает меня продолжать. «Жить на улице было тяжело... Всегда в тени, полагаясь на доброту незнакомцев. Это многому меня научило, и мне повезло, что Джон нашёл меня и дал мне шанс».

"Это сделал Джон?" — Аманда, кажется, удивлена. «Он устроил меня на лесопилку и дал мне крышу над головой». Она качает головой, словно не может поверить, что мужчина,

которого она встретила прошлой ночью, — тот самый добрый человек, которого я сейчас описываю».

«У меня была младшая сестра Кармел. Ей было всего шесть лет, когда умерла моя мама. Её быстро удочерили, и я не прохожу и дня, чтобы не задуматься о том, где она».

Я снова замечаю, как Аманда сжимает кулаки, оставляя на ладонях бороздки. Я уже сказал больше чем достаточно. У неё тоже есть открытая незажившая рана в душе, я в этом уверен. Я подхожу к ней и обнимаю за плечи. Сначала она напрягается, но потом расслабляется в моих объятиях. Мы так стоим какое-то время, потом она поворачивается и смотрит мне в глаза. В её взгляде тоска, но я не понимаю, по чему. Я наклоняюсь, чтобы поцеловать её в нежные розовые губы, и это тёплый и нежный момент, пока нас не прерывает пугливая птица, вспорхнувшая с ветки дерева неподалёку.

Она резко встаёт, встревоженная, и оглядывает лес в поисках источника шума. «Это была всего лишь птица». Я пытаюсь успокоить её, и она выдыхает с облегчением. «Я чувствую себя так, будто попала в странную сказку про машу и трех медведей, только вместо медведей у меня лесорубы».

"О да?" "Да. Точно это про меня с парнями! Медведь, Мачо и Добряк!. Я фыркаю от удивления, потому что она так легко нас охарактереховала. Её слова наполнены сладкой горечью, потому что "Три медведя" были последней книгой, которой я поделился с своей сестрой Кармел перед тем, как мы расстались. Я на мгновение задерживаюсь на этом воспоминании и вдыхаю.

На этот раз её очередь заключить меня в объятия. Эта девушка чувствует мою потребность в женском тепле, но когда мы сближаемся, я чувствую, как дрожит её тело, и понимаю, что она беззвучно рыдает мне в рубашку.

— Эй, всё в порядке. — Я глажу её по спине, прижимаясь губами к её тёплой макушке. Когда её дыхание успокаивается, она отстраняется и смотрит вдаль, словно хочет увеличить расстояние между нами, прежде чем начнёт слишком сильно привыкать ко мне. — Давай вернёмся в хижину.

— Я приготовлю обед, — предлагает она, и я киваю в ответ. Мы возвращаемся тем же путём, что и пришли, чтобы пройти по лесу до нашего домика. Несколько мгновений мы идём молча, и я замечаю, что она явно о чём-то напряженно думает.

Пройдя ещё несколько шагов, она поворачивается ко мне и спрашивает: «Почему Джон так сильно меня ненавидит? Я не понимаю, зачем он был на аукционе, если не хочет, чтобы я была рядом».

Этот вопрос ставит меня в тупик, потому что я и сам пытаюсь понять эти скрытые мотивы Джона. Я не могу прямо сказать ей, что, на мой взгляд, для него это потребность в сексуальном починении девушки или что-то ещё более мрачное. Поэтому вместо этого я выбираю то, что может показать Джона в более выгодном свете и позволить ей увидеть его таким, каким вижу его я.

Уважаемые читатели, не забывайте ставить звездочки и подписываться на автора!

Глава 3

Пройдя ещё несколько шагов, она поворачивается ко мне и задаёт вопрос:

—Почему Джон так сильно меня ненавидит? Я не понимаю, зачем он вообще был на аукционе, если не хочет, чтобы я была рядом?»

—Если бы не Джон, кто знает, где бы я сейчас был. На самом деле он неплохой человек, только почему-то старается казаться таким суровым», — говорю я. Она медленно кивает, обдумывая мои слова.

Справа от себя я замечаю небольшую полянку с фиолетовыми полевыми цветами. Аманда наблюдает, как я подхожу к ним, наклоняюсь и собираю небольшой букет.

— Вот! Для вазы в твоей комнате, — уголки её губ приподнимаются в улыбке, и в конце концов она расслабляется настолько, что тоже улыбается.

Арона и Джона сейчас нет рядом, чтобы говорить мне, что я неправ, обращаясь с ней как с женщиной, а не как с вещью, а даже если бы они были здесь, мне было бы плевать на их мнение.

Видеть улыбку аманды — это все равно что наблюдать за появлением солнца после затмения.

Мы продолжаем путь, и вдалеке уже виднеется наша хижина. Наблюдая за тем, как Аманда возвращается в мой дом, я надеюсь, что сделал сегодня достаточно, чтобы она не переживала из-за времени, которое будет вынуждена провести с нами.

Прежде чем Джон и Арон снова выведут её из себя, если будут вести себя как дикари.

АРОН

Я открываю дверь домика, ожидая увидеть Филл и Аманда, которые пьют горячий шоколад и пекут печенье. Но вместо этого я нахожу Джон, потягивающего кофе, с остатками обеда на тарелке, поставленной в центр стола. Он поднимает взгляд, смотрит на меня своими стальными глазами и слегка кивает в знак приветствия.

— Опа! А где наш любовничек?

Джон пожимает плечами, но глубокие морщины между его бровями выдают неодобрение, которого хватило бы на целую роту хмурых солдат. "

— Его здесь нет, и её тоже!

Я качаю головой и подхожу к раковине, чтобы налить себе стакан воды. Это утро было трудным не только из-за изнурительной физической работы, но и из-за капризов Итана. Такое случается время от времени, пока чей-то кулак не сделает всем одолжение и не поставит его на место.

Но, к сожалению, в этот раз удар Филла возымел противоположный эффект.

Я открываю холодильник, нахожу привычную еду и осматриваю кухню.

"Она не приготовила обед?"

Джон резко выдыхает. "Первый день, а она уже отлынивает от своих обязанностей".

"Филл должен был немедленно привести её сюда, чтобы она могла привести себя в порядок и приготовить еду".

"Он должен был, но не сделал этого. С ними обоими нужно провести беседу. Как думаешь?"

Я наливаю себе кофе и, хотя в животе урчит, сажусь напротив Джона.

— Ничего, всё наладится, — твёрдо говорю я. — Девушка привыкнет. Это новый опыт для всех нас и для неё тоже.

"Не было бы этих проблем, если бы люди в этом доме не относились к ней как к своей новой лучшей подруге".

— Ты же знаешь Филла. У него очень доброе сердце.

—Филлу нужно взять себя в руки. Иначе мы с ним начнем драться из-за этой девки!.

Я резко поднимаю брови, а Джон так сильно сжимает зубы, что у него дёргается челюсть.

—Нет смысла портить хорошие отношения из-за девушки. — Эти слова призваны разрядить обстановку, но они сейчас не помогают.

—Я уже высказался по этому поводу. Я не собираюсь повторяться. Либо вы с Филлом будете держать себя в руках, либо мне придётся надавить на неё гораздо сильнее. По крайней мере, один из нас должен сохранять контроль над ситуацией".

—Всё под контролем, Джон. Будь спокоен".

Он делает глоток кофе и ставит чашку на стол, откинувшись на спинку стула. Между нами повисает тишина, пока я смотрю на крошки на тарелке Джона, размышляя, что бы съесть на обед.

— Прошлой ночью она вела себя достойно, — наконец произносит он. — Впервые за долгое время.

— Да, — соглашаюсь я, удивлённый его неожиданным комплиментом в сторону Аманды.

—Я думаю, надо серьезно поговорить с ней. И Филлу нужно прекратить относиться к ней как к своей возлюбленной!».

—Я поговорю с ним, сразу же как они придут!.—

Джон кивает, тянется за своей кружкой и допивает остатки кофе. «Но если она пропустит ещё один приём пищи или я вернусь домой в ужасном виде, она вылитит отсюда как пробка.

Я хочу сказать ему, что этот дом выглядел ужасно последние пять лет, без женской руки, но не говорю этого. Нет смысла злить медведя. Да и куда мы её вернём? Если бы у неё был дом, она бы пришла к нам хоть с какими-нибудь вещами, а вещей у неё небыло значит нет и дома. И скорее всего если бы у неё был дом то ей вообще не нужно было продавать себя с аукциона.

Когда Джон откидывается на спинку стула и упирается своими руками в стол, я пытаюсь понять, что мне нужно сказать, чтобы Филл осознал, что он ставит под угрозу всё наше соглашение, и как я могу объяснить, чего от неё ждут, если он будет пудрить ей мозги. Я провожу рукой по бороде, когда Джон выходит из хижины.

Я уже собираюсь приготовить себе что-нибудь поесть, как вдруг где-то в хижине раздаётся грохот. Вскочив, я прохожу через гостиную в коридор и вижу, как Аманда исчезает в своей комнате. Она была здесь всё это время и, судя по всему, подслушивала мой разговор с Джоном. Если она что-то слышала, это ставит нас в дурацкое положение.

Аманда собирается закрыть дверь, когда я подхожу, и вижу её ошеломлённое и испуганное выражение лица. Я ставлю ногу рядом с дверной коробкой, не давая ей закрыть дверь, но она даже не пытается. Я заполняю собой дверной проём, нависая над ней, как огромная деревянная глыба.

Мне не нужно ничего говорить, чтобы Аманда задрожала.

— Подслушивала наши разговоры?

— Я не хотела. Я была...

Я поднял руку, чтобы она немедленно замолчала. «Аманда, тебе нужно знать обо мне две вещи. Я не люблю лжецов и не люблю оправданий».

Её кожа бледнеет, и она отступает на шаг. «Я собиралась сказать тебе, что я здесь, но потом услышала, как ты говоришь обо мне, и подумала, что ты разозлишься, если я зайду». Теперь я точно разозлился!

Я наклоняюсь в комнату через дверной проём, опираясь одной рукой о дверной косяк, разминая уставшие мышцы.

— Филл не делает тебе никаких одолжений, обращаясь с тобой так, словно ты его девушка. Хотя он ничего не может с собой поделать. Он просто хороший человек, до мозга костей, и ничего с этим не поделаешь. Но я и Джон... мы не так уж и хороши как хотелось бы!.

Мои слова повисают в воздухе между нами, и её губы приоткрываются, словно она хочет что-то сказать.

— В контракте чётко прописано, чего мы ожидаем от наших инвестиций. Я предлагаю тебе еще раз прочитать его. Будь осторожна, чтобы Филл не подумал, что он для тебя что-то большее, чем он есть на самом деле. Ну, а Джон есть Джон. Если ты будешь делать то, что он говорит, этот договор продлится год, и ты получишь свои деньги. А если нет... то он тебя вышвырнет! И Филл не сможет ему помешать!

Она моргает, и я позволяю своему взгляду скользнуть по её телу, замечая красные пятна на коже груди и шеи.

«А ты?» — спрашивает она.

— Что заработаешь, то и получишь. Деньги так просто не даются. Жизнь никогда не бывает простой. Это всё, что я могу для тебя сделать.

— Я обязательно прочитаю контракт!.

Я киваю, облизывая языком зубы. «Не пропускай приёмы пищи. Содержите дом в чистоте. И не запирайте эту дверь на ночь, вот всё что от тебя требуется!

В контракте есть ещё много условий, но она может изучить их сама.

— Хорошо, я поняла!.

— То, что произошло сегодня на лесоповале...

Аманда кивает, отступая ещё на шаг.

— Это не твоя вина. Итан — реально плохой парень. Я ему не нравлюсь, и он вымещает это на тебе.

— Почему ты ему не нравишься?—

Вопрос не по адресу. Она не имеет права копаться в моём прошлом. Именно об этом говорил Джон, и именно этому я должен положить этому конец. Я захожу в комнату, оказываясь на расстоянии вытянутой руки от стоящей передо мной красивой девушки. Я протягиваю руку, обхватываю её шею, прижимаю большой палец к её трахее и надавливаю ровно настолько, чтобы она сглотнула. «Не задавай вопросов, красавица». Тебе могут не понравиться ответы».

Аманда застыла, широко раскрыв зелёные глаза, которые смотрят на меня, затуманившись от страха. Её грудь вздымается от долгого прерывистого дыхания, и в моих грязных рабочих джинсах начинает твердеть мой член.

У меня есть время на обед или секс.

Я люблю бутерброды так же сильно, как и любой другой человек, но не настолько сильно, чтобы выйти из этой комнаты, как бы пусто ни было у меня в желудке.

— Встань на колени, Аманда!, — мой хриплый, низкий голос рокошет в тишине домика.

Аманда беспрекословно подчиняется, упираясь ладонями в деревянный пол и глядя прямо на мои бедра. Я с легкостью вытаскиваю конец ремня из металлической пряжки и с отработанной скоростью расстегиваю джинсы. Вытащить член из джинсов не составляет труда, и Аманда смотрит на мою внушительную плоть так, словно я собираюсь её убить своим членом.

Я поглаживаю его вверх-вниз, ощущая его твердость и почти болезненность, пока она наблюдает за мной широко раскрытыми глазами. «Открой свой сладкий ротик», — требую я, прижимая ладонь к её щеке и проводя большим пальцем по её розовым губам. Её веки опускаются, когда она выдыхает, затем открывает рот, и я смазываю её нижнюю губу своей предэякуляцией, прежде чем ввести член между её губ. Она сосет меня, как хорошая девочка, с техникой, которую, должно быть, преобрела тренируясь на другом мужчине.

Я и не подозревал, что могу испытывать чувство собственности, но это так. Эта девушка у моих ног она - МОЯ, и мысль о том, что кто-то другой прикасался или будет прикасаться к ней, вызывает у меня ярость. Воспоминания о том, как Итан лапал Аманду, проносятся у меня в голове, и мне приходится закрыть глаза, чтобы сосредоточиться на ощущении её шелковистого рта и грубого языка на моём члене, а не на том, как сильно я хочу его убить.

— Вот так, — мурлычу я, прикасаясь к её щеке и подталкивая её к более быстрым движениям, слегка потянув за затылок. Она упирается руками мне в колени, пока заглатывает меня. Из её глаз текут слезы, но она не останавливается.

«Прикоснись к себе», — говорю я ей. Она удивленно моргает, но делает, как я прошу, опуская руки на переднюю часть джинсов. «Вот так. Прикоснись к своей сладкой киске. Пусть она потечёт для меня».

Аманда стонет, обхватив мой член губами, и щекочет мои яйца. Я стискиваю зубы. Я так близок к оргазму, что пульсирующий жар в пояснице усиливается, а затем она глотает и глотает, и я могу лишь смотреть на нее, пока она принимает все, что я могу ей дать, и молиться, чтобы у меня не подкосились ноги.

Когда она выпускает мой член из своих губ, я прячу его обратно в джинсы, застегиваю молнию, пуговицу, а затем и ремень. Её рука все еще в моих джинсах, но я не спускаю ей это с рук. Секс никогда не должен быть односторонним, даже если ты за него платишь.

- Ложись на кровать, Аманда!

Она поднимается на ноги, подчиняясь моему приказу так быстро и идеально, что мой вялый член снова приходит в движение. Я наклоняюсь над ней, расстёгиваю её джинсы и стягиваю их с её ног так быстро, что она задыхается.

Когда я развожу её ноги и опускаюсь, чтобы попробовать её на вкус, я обнаруживаю, что её киска влажная от возбуждения.

Чёрт.

Ей действительно нравилось делать мне минет. Она не скрывала, как сильно ей это нравилось.

И когда я провожу языком по её сладким губам, вверх и по клитору, она кончает с резкими движениями, которые больше похожи на экзорцизм, чем на оргазм.

Я не могу отвести от неё глаз. Полное подчинение. Это опьяняет. Несмотря на то, что Аманда явно далека от невинности, в ней есть что-то неземное, что пробуждает во мне инстинкт защитника. Я не должен лежать рядом с ней и обнимать её, но я это делаю.

Именно об этом я и предупреждал Филла, но мне теперь всё равно. Это слишком приятно, когда ты с ней.

Аманда, кажется, удивлена, но прижимается к моей рабочей рубашке, хватаясь за пуговицы в центре. Она быстро и тяжело дышит, уткнувшись мне в грудь, её телу требуется несколько минут, чтобы прийти в равновесие, и я чувствую то же самое.

Время идёт, и мне нужно возвращаться к работе, но даже когда её дыхание выравнивается, она не отстраняется от меня, как я ожидаю, и пока она прижимается ко мне, я не могу заставить себя сдвинуться с места.

— Было хорошо? — спрашивает она меня в конце концов. — Я хорошо справилась?

Я резко поднимаю голову, чтобы посмотреть на неё, но её глаза скрыты опущенными веками.

"Это было очень хорошо, Аманда".

Она осторожно выдыхает.

«Тебе было хорошо?» — ловлю я себя на вопросе.

— Да. Я... — она замолкает, поднимая на меня взгляд. — ...с тобой так легко.

В её голосе слышится благоговение и стыдливость. Кажется, она не понимает, что доставляет себе удовольствие, или что я могу доставить его ей. Я хочу сказать ей, что не только я контролирую это, и в её сознании есть что-то, что находит наши взаимодействия достаточно возбуждающими, чтобы так легко привести её в состояние возбуждения. Какая-то тайная фантазия. Что-то более тёмное, чем она себе представляла.

Аманда снова молчит, но я почти слышу, как в её голове проносятся вопросы. Я играю с её волосами, пропускаю шелковистые пряди сквозь пальцы, и это завораживает меня. Она шевелится, и я инстинктивно притягиваю её голую ногу к себе, так что она полулежит на мне, и её раскрытая промежность прижимается к моим грубым джинсам. Она слегка шевелится, и это, должно быть, приятно. Она хочет большего?

Джон беспокоился, что эта договоренность не сработает, потому что она посчитает наши требования слишком сложными, а наши физические потребности — слишком завышенными. Но, похоже, это далеко не так.

"Что означают твои татуировки?" — спрашивает она, прижимая руку к моей груди, где они переплетаются, словно яростное буйство чёрного и цветного.

— Разное, — отвечаю я. — Воспоминания из моего прошлого.

— Ты служил в армии? — спросила она.

Я вздрагиваю, как будто она ударила меня. Что она знает об этом?

— Да, — говорю я, но больше ничего не добавляю. Разговор о моей службе возвращает воспоминания, которые я пришёл похоронить в этом лесу. Тот, кем я был раньше, — не тот, с кем Аманда захотела бы лечь в постель. Я должен предупредить её, что, вороша старые воспоминания, можно притянуть за собой призраков прошлого, но она такая юная и посути наивная. Что она знает о призраках, воспоминаниях и трудностях?

А может быть так раз она то и знает, больше, чем ты думаешь, раз она здесь.

Прежде чем она успевает ответить, я отстраняю её от себя и свешиваю ноги с края кровати. Я внутри твёрд как камень, и мне приходится поправлять себя, когда я встаю, чтобы выйти из комнаты.

— Приготовь стейки на ужин, — говорю я. — С картошкой фри. Это любимое блюдо Джона.

Я не оборачиваюсь, чтобы посмотреть, услышала ли она.

Вернувшись во двор, я застаю Джона за серьёзным разговором с Филлом. Мои друзья — настоящие великаны, но под деревьями, которые тянутся к небу, они кажутся крошечными и эфемерными.

— Я поговорил с ней", — говорю я. Их разговор прерывается, когда они слышат мой голос. "— Она понимает, чего ожидать от нас и чего мы ожидаем от неё. Она умная девочка. Больше проблем быть не должно!.

Джон кивает, и Филл морщится.

Через плечо Джон я вижу, как Итан бросает на нас косой взгляд. Он улыбается, кривя губы, и меня охватывает ярость. Ярость и стыд.

— Я его предупредил, — говорит Джон, читая мои мысли.

— И он тебя послушался?

— У этого человека не всё в порядке с головой, и ему не хватает серых клеток мозга, которые нужны для того чтобы функционировать как нормальный человек. Кто знает что от него ожидать!

Филл смотрит на Итана, потом на меня. В его глазах сочувствие, которое причиняет мне боль. "

— Он не прав, ты же знаешь!.

Я ухожу, пока меня не втянули в очередной разговор, который никак не повлияет на моё мнение о случившемся. Итан был и всегда будет занозой в моей заднице и напоминанием о моей слабости.

Это мой крест, который я должен нести, и мне не нужно, чтобы кто-то пытался облегчить мою участь.

ДЖОН

Я очень устал после долгого дня, проведённого на работе во дворе. Мой желудок урчит, как у голодного волка, и я из-за этого на взводе.

Ситуация между Итаном и Ароном выходит из-под контроля. Чтобы всё пошло наперекосяк, достаточно одного неверного шага. За нашим предприятием стоит Рон Мэггс, финансовый магнат, который несколько лет назад поручил мне управлять персоналом.

У меня уже нет терпения слушать то, что говорит Итан. Когда я думаю о потном лице Рона, хозяина нашего бизнеса, его самодовольном выражении и огромном животе, у меня сжимаются зубы. Если я буду продолжать справляться с истериками наших работяг, то мне понадобится повышение зарплаты за вредность. Я не психотерапевт, чтобы нянчиться с разными придурками, которых хозяин взял на работу в нашу бригаду.

Ещё один повод для беспокойства — то, что Аманда и Филл проводят время вместе, как влюблённые школьники.

Я не из тех, кто снимает напряжение бегом, но мне нужно что-то сделать физически, чтобы успокоиться. Я наблюдаю за бригадой, пока они постепенно покидают площадку, направляясь к своим грузовикам и к тому, что их удерживает на этом месте, это бар Реджи, где они зависают после тяжёлого трудового дня.

Я упаковываю всё ценное и запираю двор в своей компании. Закончив, я иду домой.

Мне кажется забавным называть так нашу хижину в лесу, которую я делю с двумя другими мужчинами, но это так. Арон уверен, что Аманда сделает наше жилище более уютным, а я вот в этом не уверен. Раньше я мог здесь просто расслабиться, а теперь чувствую себя на взводе, а девченка играет с Филлом, как с прыщавым школьником, я так считаю.

Я хочу узнать больше о том, почему она с нами. Я не доверяю ей настолько, чтобы относиться к ней с пониманием.

Подходя к домику, я чувствую в воздухе запах мяса, приготовленного на гриле. В животе снова урчит, когда я представляю сочную говяжью вырезку, слегка прожаренную, сдобренную маслом и запитую каким-нибудь домашним соусом.

Это отличная идея для ужина. Но, может быть, мой разум просто играет со мной злую шутку.

Схватив топор Арона с крыльца, я обхожу хижину сзади. Топор как раз подходящего веса, и я чувствую себя королём мира с этим оружием в руках. Несмотря на боль в плече, я раскалываю толстые брёвна на щепки, движимый неукротимой яростью, которая бурлит во мне каждую секунду бодрствования. Я подавляю её, только когда занят или вынужден сдерживаться, чтобы вести себя как нормальный человек.

Я должен сосредоточиться на том, чтобы снова что-то создавать, чтобы не начать разрушать все вокруг. Стол на кухне служил нам в хижине много лет, и на его изготовление я потратил все свои лучшие силы и опыт. Я должен гордиться своим мастерством. Но гордость — это пустая трата времени. Это идея для глупцов, которым больше нечем заняться.

Кресло-качалка в комнате Аманды — это ещё один мой проект. Не слишком ли это добрый жест — оставить его ей? Моя бабушка любила сидеть в таком кресле-качалке и вязать. Когда она это делала, то всегда казалась спокойной.

Не заставляем ли мы её чувствовать себя здесь слишком комфортно?

Чёрт бы побрал этого Филла, который постоянно отвлекал меня своими придуманными идеями до приезда Арона. Он всё время говорил, что женщинам нужны маленькие знаки внимания, чтобы чувствовать себя ценными для мужчин. Я морщусь от этой мысли. Мне плевать, что нужно этим женщинам.

В моей жизни не было ни одной женщины, которой было бы хоть немного меня ценить.

Моё неистовство на мгновение усиливается, когда дискомфорт в натертых ладонях усиливается с каждым взмахом. Пот стекает с моего лба и падает в пыль и грязь, в этот момент я

вижу Филла. Он неуклюжий, как бык. Гигант с сердцем из зефира и такими выразительными и красивыми глазами, что любая самая стойкая женщина может влюбиться в него, если будет часто в эти глаза смотреть.

— Ужин готов. Ты присоединишься к нам? Думаю, тебе стоит! — Филл выглядит воодушевлённым.

Я весь в поту, но голоден, как медведь, только что вышедший из спячки. И, наверное, так же злой.

Когда я следую за ним к входной двери и захожу в хижину, меня оглушает смех. Они что, шутят? У меня сводит живот, и пульс учащается. На Аманде расстёгнутая рубашка, похожая на ту, что была надета на Филла, и свободные штаны, которые обтягивают её молочно-белый живот, словно приглашая. Она смотрит на меня через всю комнату, и уголки её губ приподнимаются в надежде. Я не отвечаю ей тем же, но представляю, как провожу руками по её бледным обнажённым бёдрам после того, как одним резким движением сорву с неё штаны. Мой член возбуждается и твердеет. Жар от огня обжигает меня, и я расстёгиваю пропитанную потом рубашку.

— Я возьму кофе, — мой взгляд приковывает её к месту, но я резко отвожу взгляд, и она тут же убегает. Возможно, мы начинаем понимать друг друга.

Филл напрягается рядом со мной; ему не нравится мой тон. Очень жаль. Это его проблемы.

И он, и Арон уже оба чистые, свежие и определённо готовы к чему-то. Атмосфера непринуждённая, а я, получается, здесь нарушаю их идиллию.

Арон поднимается из-за стола и хлопает меня по плечу в попытке наладить дружеские отношения. Я выпрямляюсь, но мой взгляд снова устремляется на Арона.

— У меня не весь день впереди! — рычу я, не в силах сдержать нарастающее раздражение.

Я просто в замешательстве.

Я хочу, чтобы она удовлетворяла наши потребности, но насколько я хочу, чтобы она комфортно чувствовала себя в нашем доме?

Арон встревает в разговор, вырывая меня из оцепенения. «Сегодня чертовски тяжёлый день. Давай выпьем чего-нибудь покрепче». Он подходит к шкафчику в углу, который я поставил в прошлом году, и достаёт «Джон Дэниэлс». Аманда подходит ко мне, и я чувствую, как от неё исходит тепло, исходящее от покрасневшихся щёк и груди. Она напугана или просто не привыкла так много работать?

— У меня здесь есть бутылка красного. Я нашла её в кладовке. Оно хорошо подойдёт к мясным стейкам?

Аманда осторожно протягивает тёмную и слегка пыльную стеклянную бутылку, почти незаметно дрожа от нервного напряжения. От неё пахнет чем-то сладким и терпким, и этот запах остаётся в воздухе после того, как она возвращается к грилю. Она так отчаянно пытается угодить, что мне почти её жаль. Я хватаюсь за затылок и плечи, которые свело судорогой, и по моему телу и рукам проходит волна боли. Теперь на меня устремлены три пары глаз.

Неужели я такой придурок, что все хотят посмотреть, как яотреагирую на предложение Аманды просто выпить вина?

Может быть, если она приготовит к мясу картофель фри, я потом выражу ей свою признательность. На моих губах появляется лукавая улыбка.

— Ты собираешься накрыть на стол, Аманда? — низкий и хриплый голос Арона разносится по комнате. Филл удивлённо смотрит на него. И я заметил еще кое-что, то что нижняя губа Аманды дрожит сейчас от страха.

Арон прижимает бутылку «Джона Дэниэлса» к груди одной рукой, а между его толстыми пальцами зажаты три стакана. Свободной рукой он тычет в камин, из которого вырывается свет

и поток жара. Я смотрю на пламя, которое разделяет мою кипящую ярость, скрывающуюся, как ярко-оранжевые угли, в глубине моего горла и сердца.

Возможно, идея Арона не так уж плоха. Я предвкушаю, как быстро выпью эту обжигающую горло жидкость. Он не взял стакан для Аманды, это говорит о том, что она — это она, а мы — это мы. По крайней мере, он это понимает.

Аманда стоит у гриля, переворачивая четыре огромных стейка, с которыми она справляется без труда. У меня текут слюнки от запаха горячего мяса, и я сосредоточиваюсь на своей ноге, которая постукивает по деревянному полу. Молчание Филла кажется таким многозначительным, но я стараюсь не встретиться с ним взглядом. Я не знаю, как себя теперь вести. Это его вина, что девушка не пришла раньше, чтобы приготовить во время обед, потому что он играл с ней в Гензеля и Гретель в лесу.

—Как вам нравится наша говядина?"

Аманда ставит передо мной рюмку, и я залпом выпиваю её содержимое. Я резко выдыхаю и поворачиваю голову, наслаждаясь жгучим ощущением, которое разливается по горлу. Кости в моём позвоночнике громко хрустят.

— Мне нравится бифштекс с кровью!

Аманда кивает, словно соглашаясь, и опускает взгляд. Арон наполняет мой бокал. Мы оба выпиваем его залпом, прежде чем Арон отвечает.

—Будет хорошо, когда ты узнаешь, что нам нравится, и тебе не придётся спрашивать. Я люблю, когда мясо хорошо прожарено, так что тебе нужно правильно рассчитать время".

Арон, кажется, прислушался ко мне, по крайней мере, раньше. Филл наклоняется, чтобы взять бутылку вина и наполнить бокалы. Я взглядом прошу его сесть обратно. Это её работа — наливать вино, а наша — расслабляться и наслаждаться.

Аманда с трудом удерживает в руках огромные полные тарелки, когда ставит их на стол. Мы все вдыхаем аромат, наслаждаясь им. Давненько за нашим столом не подавали ничего настолько вкусного, если вообще подавали. Попытки Арона подать еду отражают его военный образ мышления, он контролирует порции. Филл если и сделает, сделает что-нибудь, только то, что не требует долгой готовки. Если бы он мог, то заставил бы нас жить на хлопьях и картофельных чипсах. Я устал быть единственным, кто может приготовить здесь приличную еду. Но эта тарелка намекает на то, что я могу снять наконец-то свой воображаемый фартук. Я вдыхаю пар, поднимающийся от идеально приготовленного картофеля фри; она приготовила стейк именно так, как я люблю.

Но я не хочу, чтобы она почувствовала моё одобрение. Я ничего не могу с собой поделать.

— Какая-нибудь зелень есть у нас к мясу?

Аманда замирает. На её щеке появляются красные пятна, и она подносит руку к щеке. Ей жарко или она тянет время?

—Эм, я ничего не нашла в кладовке!.

Взглянув на Филла, она явно надеется на моральную поддержку в его лице. Он ничего не говорит и опускает взгляд на свою тарелку.

Я вкушаю изысканное сочетание оттенков вкуса, ощущая, как мясо тает на языке. Отрезав новый кусок, я полностью погружаюсь в ощущение сочности и вкусовых нюансов, прежде чем пережевать и проглотить. Жевать почти не требуется. Девченка превзошла себя, и одобрителные стоны моих спутников свидетельствуют о том, что они разделяют мои ощущения.
Мы к такому быстро привыкнем.

Я украдкой бросаю взгляд на Аманду. Её изящная шея напрягается, когда она сглатывает, и румянец слегка сходит. Мой член твердеет в штанах даже от этого простого действия — наблюдения за тем, как она ест. Она ловит мой взгляд, и мы встречаемся глазами, когда она тянется за бокалом вина и делает глоток, оставляя на губах красное пятно, которое она не

вытирает салфеткой. Мои штаны становятся теснее, когда мой набухающий член занимает всё доступное пространство в штанах. Я кашляю, чтобы прочистить горло, и пытаюсь подавить растущее внутри меня желание.

Сначала — еда, а потом сексуальное удовлетворение — это у меня будет позже.

Звуки энергичного пережёвывания пищи наполняют кухню. Сегодня вечером никто почти не разговаривает. Кажется, что все затаили дыхание, но атмосфера напряжённая даже без разговоров.

Теперь от комина исходит лишь слабое свечение, которое отбрасывает почти небесный ореол вокруг головы Аманды. Её волосы собраны в свободный хвост, который лежит на одной стороне лица и мягко спадает на плечо. Кожа на её щеках светится.

Мой разум затуманен всеми теми вещами, которые я хочу с ней сделать.

Интересно, а что творится в её хорошенькой головке?

Я подавляю желание похвалить её за то, как она готовит, и вместо этого наблюдаю за тем, как она держит столовые приборы. Сок от стейка каким-то образом капает ей на пальцы, и она пытается не выронить нож и вилку. Чувствуя, что я снова смотрю на неё, она опускает столовые приборы, и её слова звучат неловко в и без того натянутой атмосфере.

— Извини за сегодня. Мне не стоило просить Арона и Филла пойти со мной на стройку. Это вызвало проблемы и... — она замолкает, словно не зная, что ещё сказать.

Арон роняет вилку на тарелку. Упоминание всего, что связано с Итаном, не приветствуется за этим столом. Но я не в настроении думать о его чувствах по этому поводу. Он хватается за воротник и расстёгивает рубашку, словно пытаясь снять напряжение, рвущееся наружу из-под пуговиц.

«Я не хочу создавать никаких проблем, пока я здесь», — произнесла она с излишней настойчивостью. Она не осознавала, что это не имело к ней никакого отношения. Она была всего лишь пешкой в игре Итана.

«Можно я приготовлю тебе ванну после ужина, Джон? Я нашла в шкафчике в ванной немного эвкалиптового масла. Может, тебе станет лучше, если ты разомнёшь мышцы... ты выглядишь так, будто тебе больно», — предложила она.

Это слишком. Она слишком старается. Её слова звучат так же фальшиво и приторно, как обычно говорила моя мать после того, когда выползала из своей комнаты вся в синяках и ссадинах после очередной вспышки гнева моего отца. Как будто приготовление еды могло компенсировать то, что она отворачивалась от моей боли.

Я игнорирую комментарий Аманды. Я просто хочу спокойно съесть свой стейк.

Филл и Арон доели свои порции, и Арон вытирает остатки куском хлеба, как стервятник, пожирающий падаль.

Филл встаёт и наклоняется, чтобы взять тарелку Аманды.

— Это было совершенно невероятно...

Я не могу сдержаться. Я взрываюсь, удивляя даже саму себя. Сильно ударив кулаком по столу, я встаю, мой стул опрокидывается назад и с грохотом падает на пол. Из глубины моего горла вырывается рёв.

— Ради всего святого, чёрт бы тебя побрал, Филл! Сколько раз я должен напоминать тебе, что она не какая-то девчонка, которую ты водишь за нос, чтобы произвести впечатление на своих родителей!

Я задел за живое. Филл выпрямляется и снова опускает плечи, но через долю секунды снова вскакивает на ноги и на этот раз наклоняется в мою сторону, заноса огромный мясистый кулак.

Прежде чем он успевает коснуться моего лица, арон быстро оказывается между нами. Мышцы на его толстой шее напряжены, а на висках выступают капли пота. Я чувствую, что он обладает огромной силой, на которую, должно быть, полагался во время службы в армии.

— Это уже слишком, Джон! — говорит Филл, и в голосе его звучит сдавленность от переполняющих его эмоций.

Это было не самое удачное высказывание в адрес сироты, но помощь Арон по дому вновь ставит под сомнение наше соглашение. Он снова и снова игнорирует моё мнение.

Воздух пронзает жалобный звук. Арон закрывает уши руками и крепко зажмуривается. Она так напряжена, что кажется, будто она вообще не дышит.

Жалость подступает к горлу и сдавливает грудь, но от этого я только злюсь. Женщины знают, как манипулировать мужчинами. Это у них в крови. Она пытается вызвать у меня жалость к ней, чтобы год прошёл для неё легко. Если она добьётся своего, Филл будет ходить за ней по пятам, а Арон будет постоянно лежать лицом вниз у неё между ног. Она будет здесь командовать. В этом я просто уверен.

Я давно решил, что никогда не подпущу женщину близко к себе, и намерен сдержать своё обещание.

— Если это дерьмо продолжится, она отсюда уйдёт. Ты меня понимаешь? У нас под этой крышей уже есть одна бродячая собака. Нам не нужна ещё одна.

Слова срываются с моих губ и разносятся по комнате с голыми потолочными балками, как раскаты грома, прежде чем я успеваю подумать об их последствиях. Я чувствую, как краснеют щёки Филла, и он, не раздумывая, поворачивается ко мне спиной и подходит к Аманде. Арон на мгновение замолкает, его огромная грудь вздымается, и он громко выдыхает.

— О боже, даже для тебя это низко и мерзко! — Он неподвижно стоит, глядя на меня, и в его глазах я вижу что-то, чего не могу понять.

Это жалость или ненависть?

Моё сердце бешено колотится в груди, когда я поворачиваюсь к крыльцу, чтобы сбежать. Однако вместо этого я стремлюсь в свою комнату. В спешке задеваю бедром одну из ножек стола, и бокал Аманды, который, должно быть, опасно близко стоял к краю и был ещё полон, падает на пол. Я продолжаю идти, не обращая внимания на звон разбитого стекла и брызги кроваво-красного вина, разливающегося по полу.

Захлопнув дверь спальни с такой силой, что задрожали стены, я смотрю на своё отражение в зеркале, висящем над комодом. Я похож на взъерошенного, потрёпанного жизнью человека, а мои глаза дикие и безумные, такие же острые и опасные, как стекло на кухонном полу. Запах пота, прилипшего к моему телу, застревает в горле, и я так быстро срываю с себя рубашку, что пуговицы отскакивают от половиц. От моего прерывистого дыхания у меня кружится голова, и я распахиваю окно, впустив поток ледяного воздуха, который хлещет меня по лицу и заставляет дрожать.

Звуки и ароматы леса не приносят утешения.

Я сбрасываю ботинки и стягиваю носки, а затем на автопилоте снимаю остальную одежду с уставшего тела и иду в душ.

Тёплая вода не успокаивает меня. Грязь и пот смываются с моих волос и кожи, но тяжёлое чёрное чувство, застрявшее внутри меня, никуда не исчезает. Я прижимаю ладони к прохладной плитке, позволяя горячей воде стекать по моему лицу, задерживая дыхание дольше, чем мне удобно.

Вот почему я не хотел, чтобы здесь была женщина. Одноразовые связи — это одно, но постоянно находиться рядом с кем-то, кто мне не нравится, — это уже слишком.

Аманда слишком милая, и это болезненно для меня. Это слишком сильно напоминает мне о прошлом, когда я чувствовал себя беспомощным.

Я провожу рукой по лицу, злясь на себя за то, что поддалась эмоциям, пусть и в гневе.

Это такая же демонстрация слабости, как и доброта Филла.

Я не могу допустить, чтобы это повторилось снова.

Закончив, я вытираюсь своим старым грубым полотенцем и бросаюсь на кровать, которая скрипит и стонет под моим весом.

Я должен вернуться туда и затащить её сюда. Ей нужно понять, что значит быть женщиной в этом доме. Я не боюсь неодобрения Арона или Филла, но я действительно перегнул палку. Мне нужно успокоиться, пока я не довёл себя до инсульта.

Уважаемые читатели, не забывайте ставить лайки и подписываться на автора!

Глава 4

ДЖОН

Именно это Аманда должна была сделать для меня. До её приезда я представлял, как смогу удовлетворить свои желания с ней, получив глубокое, тёмное и всепоглощающее наслаждение от власти над ней.

Но вот я здесь, дрожу до тех пор, пока не кончу в кулак, проглатывая стоны и ненавидя отчаянные звуки своего прерывистого дыхания. Ненавидя себя за то, что сдался и пошёл до конца

Боль в верхней части тела возвращается, пронзая меня насквозь. По комнате проносится порыв прохладного воздуха, охлаждая мою мокрую руку. Я тянусь за рубашкой, чтобы вытереться, и бросаю её в корзину для белья. Аманда разберётся с этим завтра.

Внезапно отключается электричество, погружая комнату в крошечную тьму, и я хватаю фонарик с тумбочки, где всегда его держу, и шарю в поисках спичек и свечи в шкафу. Пока я наблюдаю, как пламя разгорается и мерцает, моё отражение в зеркале выглядит ещё более безумным.

Я подхожу к окну и плотно закрываю его, заглушая шум ветра в ветках деревьев. Когда я возвращаюсь к кровати, чтобы сесть, раздаётся приглушённый звук, а затем лёгкий стук в дверь.

“Входи”.

Дверь приоткрывается. Филл и Арон громко постучали бы, прежде чем открыть дверь, так что это точно не они. Это Аманда, которая слишком боится ко мне войти. Она застыла в дверях, как Красная Шапочка, увидевшая волка в постели своей бабушки. Мой член снова твердеет, когда она скользит взглядом по моему обнажённому телу. Я делаю вдох и вздрагиваю. Выдыхая, я ухмыляюсь.

Может быть, сегодня вечером я получу то, на что надеялся, и если это случится, Аманда поймёт, что нужно делать, чтобы быть женщиной в моём доме.

АМАНДА

— Тебе нужно пойти к нему, — говорит мне Арон, помогая мне собрать осколки стекла и вытереть пролитое вино. — Тебе нужно доказать ему, что ты его не боишься и что он может рассчитывать на тебя в том, что ему нужно.

— И что же это? Мне совсем непонятно! - спрашиваю я.

— Ему нужна женщина, которая ничего не ждёт от него, но готова отдать всё!

Мои глаза округляются от удивления. Звучит как неблагодарная роль человека, который просто существует в чьей-то жизни, но, к сожалению, я привыкла играть её уже много лет.

Мой бывший, Карлос, был именно таким человеком — без совести, эмоций и привязанностей. Он мог использовать и оскорблять других людей без малейшего сожаления. Я не могу поверить, что, сбежав от него, оказалась в ситуации с другим человеком, который ведёт себя так же жестоко.

— Я не могу,! - бессильно шепчу я.

— Ты должна, — взгляд Арона мягкий, но слова жёсткие. Он поднимается с корточек и с дребезжанием опрокидывает стакан в мусорное ведро. — Ты пока придержи. Успокойся. А потом уже иди к нему.

Когда я поднимаюсь, у меня подкашиваются ноги, и я хватаюсь за край стола, чтобы не упасть. Арон смотрит на мои побелевшие костяшки пальцев. — Он неплохой человек, Аманда. Просто он.... непростой.

То же самое нельзя сказать о Карлосе, даже о его так называемых друзьях. Люди общаются с ним из-за того, что он может для них сделать, а не из-за того, какой он хороший человек.

Несмотря на то, что мужчины в этом доме ссорились друг с другом, я вижу, что за всем этим стоит крепкая дружба.

— Он причинит мне боль? - пытаюсь скрыть страх спрашиваю я.

— Может быть, — Филл хмуро смотрит на меня из-за спины Арона, и тот бросает на него неодобрительный взгляд. — Но дело не в боли и страхе, аманда. Дело всегда в контроле и удовольствии. Дело в тех тёмных местах, которые таятся на краю нашего желания.

Я вздрагиваю, осознавая, что имел в виду Арон. Для большинства людей секс — это не просто цветы и розы. Это способ найти утешение для наших измученных душ и обрести внутренний покой в этом хаосе.

Я притворялась, что мне нравится секс с Карлосом, чтобы он был доволен. Когда я думала, что он любит меня, я закрывала глаза на его эгоистичность. Но когда я осознала, что он не испытывает ко мне никаких чувств, я просто смирилась с этим.

И теперь, с Джоном, мне предстоит то же самое?

«Он заставил тебя кончить», — шепчет мой внутренний голос. И он сделал это, используя методы, которые, как я думала, никогда не вызовут у меня удовольствия.

Он может сделать это снова.

Реальность такова, что у меня нет выбора, нравится мне это или нет. Я должна найти способ сделать этого мужчину счастливым, иначе я не получу деньги, которые мне так необходимы.

Я бросаю взгляд на Филла и вижу, что он сидит, опустив голову. Арон окликает его, и они оба выходят из комнаты, останавливаясь в коридоре перед спальнями, чтобы пошептаться.

На тарелках уже не осталось еды, так что мне остаётся только помыть их и оставить сушиться. Сковороды мыть сложнее, но сам процесс очистки приносит мне некоторое облегчение. Всё это время моё сердце бешено колотится от мыслей о том, что ждёт меня после того, как я приведу дом в порядок.

Я проверяю кладовую и холодильник, нахожу ручку и бумагу и записываю продукты, которые нужны мне для поддержания кухни в рабочем состоянии. В шкафу под раковиной я обнаруживаю ограниченный запас чистящих средств, поэтому добавляю в список ещё несколько пунктов. Возможно, кто-нибудь из лесорубов отвезёт меня в ближайший магазин, и я смогу сама что-нибудь купить. Перспектива заняться чем-то таким обыденным даёт мне надежду, что за пределами этих четырёх стен у меня будет хоть что-то, что я могу делать сама.

К тому времени, как я заканчиваю, в доме становится тихо, и я осторожно выхожу в коридор, прислушиваясь к любым признакам жизни. Моё сердце так сильно бьётся о рёбра, что мне приходится прижать руку к груди, чтобы унять его.

Мне нужно это сделать.

Но противостоять Джону - все равно что снова столкнуться с Карлосом, моим бывшим от которого я еле избавилась, и вот теперь опять могу попасть в объятия такого же монстра.

Я не могу заставить себя постучать в дверь и стою, застыв, как статуя.

Может, мне стоит позволить ему прийти ко мне. Я могу оставить дверь открытой, как они настаивали, и посмотреть, кто решит воспользоваться моим телом сегодня вечером.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.